

ЧИТАЙТЕ КНИГУ
И СМОТРИТЕ СЕРИАЛ

АМЕДИАТЕКА
HOME OF **HBO**

УБИВАЯ ЕВУ

Это случится не завтра

Люк Дженнингс

Люк Дженнингс
Убивая Еву: это
случится не завтра
Серия «Kinostory»
Серия «Убивая Еву», книга 2

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48791992
Убивая Еву: Это случится не завтра: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-118625-8

Аннотация

Вторая часть трилогии о тандеме агента Евы Поластри и наемной убийцы Вилланель. Фирменный британский юмор, неожиданные повороты сюжета и долгожданное продолжение захватывающего детектива пера Люка Дженнингса – впервые на русском языке.

Ева обнаруживает, что старший офицер разведки куплен «Двенадцатью» (секретной организацией и работодателем Вилланель). Пока Ева его допрашивает, пытаясь соединить кусочки головоломки воедино, Вилланель снова начинает охоту...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Люк Дженнингс
Убивая Еву
Это случится не завтра
Kinostory

Luke Jennings
Killing Eve: No Tomorrow

* * *

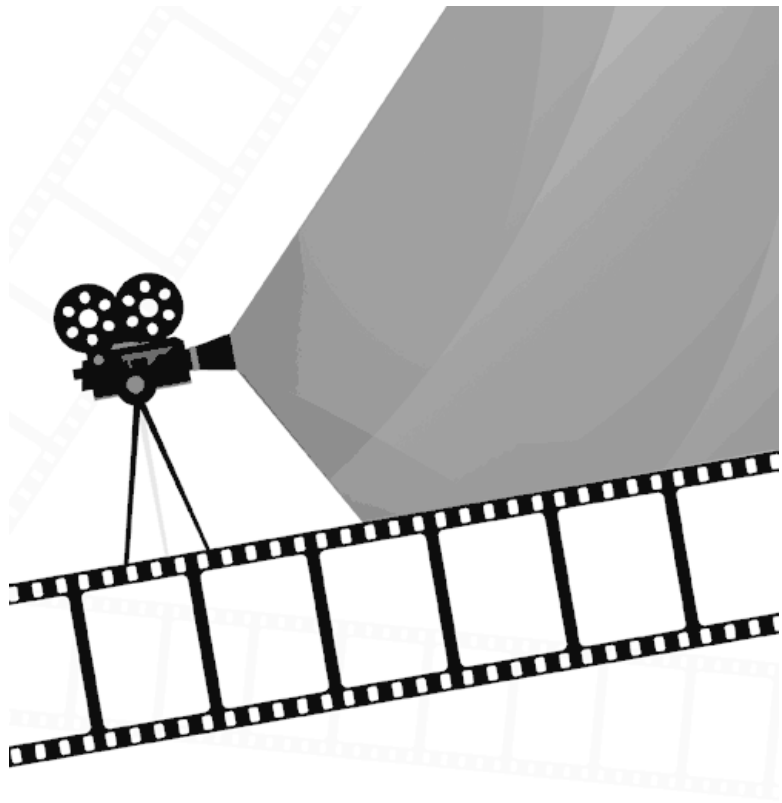
Печатается с разрешения PEW Literary Agency Limited и
литературного агентства Synopsis

Copyright © Luke Jennings, 2014, 2015, 2016.

© Г. Л. Григорьев, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

Деннис Крэйдл на карбоновом велосипеде летит по Ма-суэлл Хилл, его руки непринужденно лежат на легком руле, в теле – приятная усталость. От службы до дома, а живет он на севере Лондона – путь неблизкий, но Деннис показал хорошее время. Ведь он считает себя – хотя едва ли созная бы в этом коллегам или родным – поборником определенных ценностей. Велосипедный пробег через весь город радует его внутреннего спартамца. Благодаря таким поездкам он сохраняет прекрасную форму, да и в своих облегающих

лайкровых шортах и камуфляжной футболке выглядит чертовски *sportif*, притом что следующий день рождения будет уже сорок восьмым.

На посту директора департамента МИ-5 по контршпионажу против России и Китая Деннис может себе позволить машину с водителем – неприметную, среднего уровня, из автопарка Службы. Да, соблазнительно, статусно, но этот путь – скользкая дорожка. Откажись от физической нагрузки – и тебе кранты. Не успеешь глазом моргнуть, как пополнишь ряды старых пузатых бакланов, которые, подпирая стойку служебного бара в Темз-хаусе, посасывают скотч и жалуются, насколько лучше жилось, пока отдел по работе с персоналом не захватили роботы в юбках.

Велосипед помогает Деннису быть в тренде. Он дает ему связь с реальностью и разгоняет по венам кровь. А последнее ему ох как нужно, ведь либидо у Габи просто бешеное. Боже, как он хотел бы сейчас ехать к ней, а не к Пенни с ее засушенным диетами телом и бесконечными придирадками.

Когда до конца пути остается сотня метров, в беспроводном плеере шлема, словно по сигналу, врубается «Глаз тигра», тема из «Рокки-3». В мыслях он видит, как Габи ждет его на двуспальной кровати в капитанской каюте супер-яхты. На ней ничего, кроме белых мягких теннисных носков, а тренированные ножки маняще раздвинуты.

Вдруг, не пойми откуда, чья-то железная рука рывком хва-

тает Денниса за запястье, и велосипед грохается на землю. Деннис не успевает даже открыть рот, как его затыкает жесткий короткий удар под дых.

– Извини, старина. Хотел привлечь внимание.

Напавший – человек около сорока с лицом холеной крысы и запахом застоявшегося табачного дыма – свободной рукой снимает с Денниса шлем и отбрасывает к валяющемуся велосипеду. Деннис корчится, пытаясь высвободиться, но рука на его запястье не ослабевает.

– Не дергайся, ладно? Я не хочу делать тебе больно.

– Что за *херня*?.. – стонет Деннис.

– Я тут по поручению, старина. С тобой хотят поболтать.

О «Куколке».

С лица Денниса сходят последние остатки краски. Глаза выпучены от шока.

– Суй свой велик назад, сам полезай вперед. Пошевеливайся. – Напавший отпускает Денниса, и тот, оторопело озираясь, замечает престарелый белый «Форд Транзит». За рулем – какой-то одутловатый пацан с пирсингом в губе.

Денниса бьет дрожь. Он открывает заднюю дверь фургона, подбирает шлем и отключает беспроводной плеер – к тому времени в нем заиграла песня «Сейчас засуну» группы «Уайтснейк». Повесив шлем на руль, Деннис загружает велосипед в машину.

– Мобильный, – говорит крысомордый, сопровождая требование хлесткой оплеухой, от которой у Денниса звенит в

ушах. Он трясущейся рукой протягивает телефон. – Отлично. Давай, вперед.

Фургон вливается в дорожное движение. Деннис пытается припомнить протоколы Службы: что там насчет захвата в плен и допроса? А если эта шайка – *сама* из чертовой МИ-5, из какой-нибудь группы внутренних расследований? Но сотрудника его ранга нельзя схватить вот так запросто, без санкции генерального директора. Тогда кто это такие, черт их дери? Кто-то не из наших? Русская СВР? Или даже ЦРУ? Так, нужно просто молчать. Пусть все идет, как идет.
Нужно молчать.

Они постоянно маневрируют в плотном потоке машин, и не проходит и десяти минут, как «Форд» пересекает Северную кольцевую магистраль и заезжает на парковку супермаркета «Теско». Водитель спокойно встает на самое удаленное от входа место и глушит двигатель.

Лицо у Денниса цвета сырого теста; он сидит, уставившись сквозь ветровое стекло на ограду парковки. Над Северной кольцевой висит легкая дымка.

– И что теперь? – спрашивает он.

– Теперь подождем, – отвечает крысомордый.

Проходит несколько минут, и тут раздается звонок. Рингтон совсем не к месту – мультяшный утиный смех.

– Тебя, старина. – Крысомордый с заднего сиденья протягивает Деннису дешевый пластиковый телефон.

– Деннис Крайдл? – Голос тихий, с жестяным электрон-

ным призывом. «Преобразователь речи», – автоматически отмечает про себя Деннис.

– С кем я говорю?

– Тебе бы не этим поинтересоваться, а тем, что у нас есть кое-какая информация. Пойду сразу с козырей, не против? За предательство Службы ты получил без малого пятнадцать миллионов фунтов и перевел их на офшорный счет на Британских Виргинских островах. Не хочешь как-то прокомментировать?

Весь мир Крэйдла в эту секунду съезживается до лобового стекла перед глазами. Сердце будто обложили льдом. Он не в состоянии не то что говорить – думать.

– Полагаю, не хочешь. Тогда продолжим. В этом году ты стал обладателем трехкомнатных апартаментов в комплексе «Асфодель» на мысе Антиб, Французская Ривьера, а в прошлом месяце приобрел 42-футовую яхту «Куколка», пришвартованную сейчас в марине Порт Вобан. Мы также в курсе о твоей связи с двадцативосьмилетней Габриэлой Вукович, которая работает в фитнес-спа-клубе отеля «Дю Литтораль». Пока что об этом не знают ни МИ-5, ни твоя семья, ни полиция с налоговой. Будет ли так и дальше – зависит только от тебя. Хочешь, чтобы эта информация осталась между нами, хочешь сохранить свободу, работу и репутацию, расскажи нам всё – в буквальном смысле всё – об организации, которая тебе платит. Утаишь хоть что-то, хотя бы один ничтожный факт – из тюрьмы выйдешь минимум через чет-

верть века. Если доживешь, разумеется. Ну как?

Издалека сквозь гул трассы доносится сирена «Скорой».

– Кем бы вы ни были, идите на хрен. – Голос Денниса тих и нетверд. – Похищение и насильственное удержание – это уголовные преступления. Рассказывайте что угодно кому хотите. Мне насрать.

– Понимаешь, Деннис, тут-то и начинается главная проблема, – продолжает жестяной голос. – Причем не у нас, а у *тебя*. Если мы отправим эту информацию в Темз-хаус, там начнется дознание, расследование, вот это вот всё, и тогда твои спонсоры (а пятнадцать лямов – *очень* неплохие бабки) заподозрят, что мы с тобой побеседовали, и накажут тебя в назидание остальным. С тобой разберутся, Деннис, и разберутся по-взрослому. Сам знаешь, что это за люди. Так что вряд ли у тебя есть выбор. Тут не на чем блефовать.

– Но ведь на самом деле вы понятия не имеете, о чем говорите. Ну да, я, возможно, утаил кое-что от жены и работодателей, но роман на стороне в Уголовном кодексе не значит. По крайней мере, когда я в последний раз туда заглядывал.

– Да, не значит. В отличие от государственной измены.

– У вас ничего нет, чтобы выдвигать такие обвинения, и вы это прекрасно знаете. Просто дешевая попытка шантажа. Так что, как я уже сказал, идите на хрен.

– Ладно, Деннис, вот как мы поступим. Через пять минут ты выйдешь из этой машины и поедешь на велосипеде домой. Если захочешь купить жене букетик, здесь, на заправке,

очень недорогие розы. Завтра в семь утра тебя у дома будет ждать машина, на которой ты поедешь в Хэмпшир на Исследовательскую станцию Девер. Твоему заместителю в Темзхаусе уже сообщили, что ты проведешь там три дня на семинаре по противодействию терроризму. В свободное от семинара время – в отдельном здании – с тобой частным образом поговорят на темы, которые мы сейчас тут обсуждали. Никто другой на станции об этом знать не будет, и ни один человек не заподозрит отклонения от твоей обычной профессиональной деятельности. Как тебе наверняка известно, Девер – секретный правительственный объект, и там гарантирована полная безопасность. Если эти беседы пройдут хорошо – а мы уверены, что именно так и случится, – ты свободно оттуда уедешь.

– А если я отвечу «нет»?

– Деннис, давай не будем пытаться представить себе последствия. Я серьезно. Это крошечное говно. Взять хоть Пенни. Ты только вообрази. А дети? Папочку судят за государственную измену. Не стоит даже думать об этом.

Долгая пауза.

– Говорите, в семь утра?

– Да. Позже через пробки не пробраться.

Деннис, не мигая, смотрит в дымку сумерек.

– Ладно, – отвечает он.

Положив телефон на стол, Ева Поластри выдыхает и закрывает глаза. Жесткий, авторитарный персонаж, которого

она только что сыграла для Крэйбла, ничем не похож на нее саму. Окажись она с Деннисом лицом к лицу, едва ли ей удалась бы такая язвительная интонация – не в последнюю очередь потому, что во времена ее службы в МИ-5 его уровень казался ей недоступно высоким, как стратосфера. Но своим финальным «ладно» он фактически признал вину, и теперь – хотя завтра сам он наверняка будет шокирован, увидев ее сидящей напротив, – она сможет с этим справиться.

– Четко сыграно, – говорит Ричард Эдвардс, снимая наушники, через которые он слушал разговор Денниса и Евы, и откидывается на спинку наименее неудобного стула в офисе на Гудж-стрит.

– Коллективная работа, – отвечает Ева. – Ланс его до чертиков напугал, а Билли вел машину, как ангел.

Ричард кивает. Он возглавляет отдел МИ-6 по российским делам и формально является шефом Евы, хотя посещает ее офис нечасто, а сама Поластри не значится ни в одном из официальных списков персонала обеих секретных служб.

– Сегодня у него целый вечер, чтобы обдумать ситуацию, и в идеале придется делать это в присутствии вздорной супруги. А завтра можешь приступить к его полному и окончательному разоблачению.

– Как думаешь, он завтра в семь выйдет? А вдруг сегодня смотает удочки?

– Нет. Деннис Крэйбл, может, и предатель, но отнюдь не дурак. Если он сбежит, ему крышка. Мы – его единственный

шанс, и ему это известно.

– А вдруг он...

– Застрелится? Деннис? Нет, он не из таких. Я знаю его с Оксфорда, это изворотливый страус. Он из тех, кто считает, что любую проблему, даже самую хитрую, можно утрясти за бутылочкой доброго вина в приличном ресторане и желательно за чужой счет. Он все нам выложит и будет держать язык за зубами. наших Деннис, конечно, тоже побаивается, но это все равно несопоставимо с ужасом от шайки, которой он нас продал. Малейший намек, что он скомпрометирован, и его тут же шлепнут.

– Со вкусом.

– Еще с каким. Скорее всего, отправят эту твою подружку.

Ева улыбается, и в ее сумке вибрирует телефон. Эсэмэска от Нико: когда ее ждать дома? «В восемь», – отвечает она, хоть и знает, что едва ли вернется раньше половины девятого.

Ричард смотрит в единственное тут никогда никем не мытое окно.

– Ева, я знаю, что ты замышляешь. И мой ответ – «нет».

– А что я замышляю?

– Выжать из Крэйбла все, что можно, а потом превратить его в приманку. Поглядеть, что вынырнет из глубин.

– Не самая плохая идея.

– Смерть – всегда плохая идея, поверь, а именно ею все и закончится.

– Не волнуйся, я не стану отклоняться от плана. Ты не успеешь произнести «ох уж этот кризис среднего возраста», как Деннис вернется в объятия красотки Габи.

Главарь одесской криминальной группировки «Золотое братство» Ринат Евтух разочарован. Его уверяли, что Венеция – больше чем просто город. Что это одна из главных цитаделей западной культуры и что шикарнее места во всем свете не сыщешь. Но сейчас, когда он в гостиничных тапочках и халате стоит у окна апартаментов в отеле «Даниэли», это место ему совсем не по душе.

Отчасти тут виноват стресс. Похищение того русского в Одессе было ошибкой, и сейчас Ринат это понимает. Он предполагал, и не без причин, что все пройдет как обычно. Сначала – забегают, потом – кулуарно перетерли, забили цену, разошлись без обидок. Но какой-то псих принял все близко к сердцу, и Ринат остался с восемью трупами на руках, включая самого похищенного, и с решетом от пуль вместо дома в Фонтанке. Понятно, у него есть и другие дома, а заменить охрану ничего не стоит. Но все это лишняя работа, да и вообще, рано или поздно наступает период, когда такие вещи отражаются на твоей жизни не лучшим образом.

Апартаменты дожа в «Даниэли» умиротворяюще роскошны. Среди похожих на сахарную вату облаков на потолочных росписях резвятся крылатые херувимы, портреты венецианских аристократов на стенах отливают золотом дамаста, по-

лы покрыты коврами в античном стиле. На прикроватном столике – метровая разноцветная статуэтка рыдающего клоуна, которую Ринат утром купил в мастерской муранского стекла для своей киевской квартиры.

В шезлонге стиля рококо, раскинув в стороны босые ноги, развалилась подруга Рината, двадцатипятилетняя линжер-модель Катя Горная в топике от Диора и навороченных джинсах «Дюссо». Уставившись в телефон и жуя резинку, она кивает в такт песне Леди Гаги. Порой подпевает – насколько позволяют жвачка и ее скромный английский. Когда-то это казалось Ринату очаровательным, а сейчас раздражает.

– *Bad romance*¹, – говорит он.

Ажурная ткань Катиного топики натягивается, еле сдерживая увеличенные за немалую сумму груди, а сама Катя неторопливо вынимает наушники-вкладыши.

– Она поет «*bad romance*», – повторяет Ринат. – А не «*bedroom ants*»².

Катя поднимает на него пустой взгляд и хмурится.

– Надо вернуться в «Гуччи». Я передумала. Хочу ту розовую сумку из змеиной кожи.

Это последнее, чем Ринату сейчас хотелось бы заняться.

¹ «Порочный роман» (англ.) – название песни Леди Гаги.

² Муравьи из спальни (англ.). Фразы *bad romance* и *bedroom ants* похожи на слух. Причем Катя, очевидно, смотрит в «Ютьюбе» ролик вокальной группы *The Kinsey Sicks* под названием, собственно, *Bedroom Ants*, пародию на песню Леди Гаги *Bad Romance*.

Все эти высокомерные продавцы в магазинах на Сан-Марко. Сама улыбочивость, пока не выложишь бабки, а потом ты для них как дерьмо собачье.

– Надо идти прямо сейчас, Ринат. Пока они не закрылись.

– Сходи сама. Возьми Славу.

Катя надувает губы. Ринат знает: он нужен ей в компаньоны, потому что тогда расплачиваться ему. Если же с ней пойдет телохранитель, то она будет платить за сумку из своих денег. Которые дает тоже он.

– Хочешь заняться любовью? – Катин взгляд смягчается. – Когда вернемся из магазина, я трахну тебя со strapоном.

Ринат делает вид, что не слышит. Больше всего ему сейчас хочется в другое место. Затеряться в мире, открывающемся за золотистыми шелковыми занавесками, где на свет дня наплывает тень вечера, а гондолы и катера-такси чертят бледные линии на воде лагуны.

– Ринат?

Он закрывает за собой дверь спальни. За десять минут принимает душ и одевается. Вернувшись в гостиную, застаёт Катю в той же позе.

– Ты просто бросаешь меня здесь одну? – спрашивает она, не веря глазам.

Нахмурившись, Ринат окидывает взглядом свое отражение в посеребренном восьмиугольном зеркале. Покидая апартаменты, он слышит, как двадцатикилограммовый кло-

ун вдребезги разлетается на антично-мозаичном полу – да уж, звук, прямо скажем, не для слабонервных.

В баре на верхнем этаже – блаженная тишина. Позднее сюда набьются постояльцы, но сейчас – лишь две пары, да и те сидят молча. Устроившись на террасе, Ринат откидывается на спинку и, полуприкрыв глаза, наблюдает за плавным колебанием причаленных гондол. Скоро, – размышляет он, – пора будет валить из Одессы. Выводить свои средства из Украины в какую-нибудь менее нестабильную юрисдикцию. В последнее десятилетие секс, наркотики и продажа девочек за границу были тройной курицей с золотыми яйцами, но сейчас стали появляться турецкие бандиты, русские тоже жмут неслабо, и все эти новые игроки меняют правила. Мудрый, – говорит себе Ринат, – всегда знает, когда время делать ноги.

Катя положила глаз на майамский Голден-Бич, где меньше чем за двенадцать лимонов баксов, включая взятки американской иммиграционной службе, можно прикупить шикарный домик на берегу с личной пристанью. Однако Ринат все больше склоняется к тому, что без Кати с ее бесконечными капризами его жизнь станет проще, и в последние несколько дней стал всерьез подумывать о Западной Европе. В частности об Италии, где, похоже, не так строго с преступлениями против нравственности. Классное место: спортивные тачки, шмотки, все эти гребаные старые дома, а итальянские телки вообще бесподобны. Даже у продавщиц внешность кино-

звезд.

Рядом материализуется серьезный молодой человек в темном костюме, и Ринат заказывает односолодовый виски.

– Нет-нет. Сделайте лучше джентльмену «Негрони Сбальято». И мне тоже принесите.

Обернувшись, Ринат встречает ироничный взгляд женщины в черном шифоновом коктейльном платье.

– Вы же, в конце концов, в Венеции.

– И впрямь, – несколько ошеломленно соглашается он и кивает официанту; тот без слов удаляется.

Ее взгляд устремляется на лагуну, которая в сумерках искрится белым золотом.

– Увидеть Венецию и умереть – так, кажется, говорят?

– Умирать я пока не собираюсь. Да и Венеции еще не видел, если не считать магазинов.

– Жаль, ведь здешние магазины или битком набиты туристским сбродом, или ничем не отличаются от магазинов сотен других городов. Разве что цены повыше. Главное в Венеции – не ее настоящее, а ее прошлое.

Ринат изумленно смотрит на нее. Женщина потрясающе красива. Янтарные глаза, легкая ускользающая улыбка, да и весь ее искусно-дорогой стиль. Он наконец догадывается пригласить ее сесть.

– *Sei gentile*³. Но я, кажется, вторгаюсь в ваш вечер.

– Нет-нет. Мне теперь не терпится попробовать. Как, го-

³ Это весьма любезно (*um.*).

ворите, это называется?

Она усаживается в кресло и, прошелестев шелком чулок – Ринат отмечает этот звук, – кладет ногу на ногу.

– «Негрони Сбальято». Это как просто «Негрони», только вместо джина добавляют игристое вино. А в «Даниэли», *naturalmente*⁴, его делают с шампанским. На мой вкус, идеальный напиток для заката.

– Лучше односолодового виски?

Легкая улыбка.

– Полагаю, да.

И она права. Ринат, конечно, не писанный красавец. Его бритая голова напоминает крымскую картофелину, а шитый на заказ шелковый костюм не может скрыть brutального телосложения. Но у бабок – неважно, как они заработаны, – есть свойство привлекать внимание, и Ринату не привыкать к компании соблазнительных женщин. А Марина Фальери (вот как ее зовут) более чем соблазнительна.

Он не может оторвать глаз от ее губ. На верхней – еле заметный шрам, и эта асимметрия придает ее улыбке некую двусмысленность и незащитность, которая тихо, но неуклонно будит в нем хищника. Ему льстит, что ей интересно все, о чем бы он ни говорил, и он не успевает опомниться, как уже разглагольствует обо всем подряд. Он рассказывает об Одессе, об историческом Спасо-Преображенском соборе, чьи службы он регулярно посещает, о великолепном театре

⁴ Разумеется (*ит.*).

оперы и балета, куда он в качестве мецената перевел миллионы гривен. Пусть в этой автобиографии нет ни доли истины, но рассказ столь богат колоритными и правдоподобными деталями, что Марина слушает с горящими глазами. Она даже настаивает, чтобы он научил ее каким-нибудь русским выражениям, и повторяет их с очаровательными ошибками.

Но всему прекрасному приходит конец. Ей – объясняет, извиняясь, Марина – пора идти на официальный ужин в Сант-Анджело. Это будет скучища, и она бы с удовольствием осталась, но она член оргкомитета Венецианской биеннале и поэтому...

– *Per favore, Marina. Capisco*⁵, – говорит Ринат, вываливая весь свой запас итальянского с галантной, как ему представляется, улыбкой.

– Твой акцент, Ринат! *Perfezione!*⁶ – Она замолкает и заговорщически улыбается. – Слушай, а вдруг ты совершенно случайно завтра в обед свободен?

– Совершенно случайно – да.

– Превосходно. Давай встретимся в одиннадцать на выходе из отеля к реке. Я с удовольствием покажу тебе, что такое... *настоящая Венеция*.

Они поднимаются из-за стола, и она уходит. На белой льняной скатерти – четыре пустых коктейльных бокала. Три – его, один – ее. Солнце уже почти село и еле выглядывает

⁵ Пожалуйста, Марина. Я понимаю (*ит.*).

⁶ Бесподобно! (*ит.*)

из-за устрично-розовых перистых облаков. Ринат оборачивается позвать официанта, но тот уже здесь – невозмутимый и неприметный, словно гробовщик.

Автобус ползет улиткой. Еву никто не удостаивает вниманием, кроме одного пассажира с явными отклонениями – тот упорно ей подмигивает. Вечер выдался теплым, и в салоне стоит тяжелый дух сырых волос и несвежего дезодоранта. Ева быстро пролистывает «Ивнинг Стандарт»: новости, вечерние приемы и серийные адюльтеры в Примроуз-Хилл, и, добравшись наконец до объявлений о недвижимости, предастся их изучению.

Разумеется, они с Нико не могут позволить себе столь соблазнительно представленное там жилье – об этом нет и речи. Все эти викторианские промышленные и складские помещения, переосмысленные в виде светлых сказочных квартир. Все эти панорамные виды на реку сквозь огромные окна, обрамленные сталью и зеркальным стеклом. В то же время Ева отнюдь не вожделеет их в смысле желания обладать. Она, скорее, заморожена их безлюдностью и неправдоподобием. Они притягивают ее как своего рода декорации к другим, воображаемым, жизням, которыми Ева могла бы жить.

Без четверти девять (ну, может, чуть позже) вместо обещанных восьми она добирается до их съемной однокомнатной квартиры и, продираясь сквозь горы обуви, велосипедных принадлежностей, «амазоновских» упаковок, сваленной одежды, идет на манящий аромат еды с кухни. Обеденный

стол накрыт на двоих, здесь же – бутылка испанского вина и грозящая вот-вот рухнуть стопка математических учебников. Немзыкальное насвистывание и шум воды в ванной указывают на то, что Нико принимает душ.

– Извини, что опоздала, – кричит она. – Вкусно пахнет. Что это?

– Гуляш. Откроешь вино?

Ева даже не успевает достать из ящика стола штопор – сзади раздаётся лихорадочное цоканье по полу, и мимо нее по воздуху пролетают две фигуры явно нечеловеческого вида и приземляются прямо на стол, обрушивая стопку книг. От шока Ева застывает как вкопанная. Бутылка катится по столу и вдребезги разлетается на кафеле. Еву с любопытством разглядывают две пары серовато-зеленых глаз.

– *Нико!*

Тот неторопливо выходит из ванной в шлепанцах и с повязанным вокруг талии полотенцем.

– Любовь моя. Вижу, ты уже познакомилась с Тельмой и Луизой.

Он переступает через растущее винное озеро и целует Еву. Та не реагирует, только сверлит Нико взглядом.

– Луиза неуклюжа. Думаю, именно она...

– Нико. Пока я тебя, б..., не *убила*...

– Это нигерийские карликовые козы. Нам больше никогда не придется покупать молоко, сливки, сыр и мыло.

– Нико, слушай внимательно. У меня был жуткий день,

а все наше бухло до последней капли – эта лужа на полу, так что сейчас я иду за вином. Когда вернусь, мне хотелось бы сесть за стол, попробовать твой гуляш, выпить бутылочку-другую красного и расслабиться. А об этих двух животных на столе мы больше не говорим ни слова, поскольку к тому времени они растают в воздухе, словно их никогда не существовало, ладно?

– Э-э... Ладно.

– Ну вот и славно. Вернусь через десять минут.

Когда она возвращается с двумя бутылками, кухня наспех, но более-менее пристойно прибрана, в поле зрения – никаких коз, а Нико полностью одет. Сердце Евы замирает и в то же время готово выскочить из груди, когда она замечает, что Нико надушился одеколоном «Аква ди Парма» и натянул джинсы «Дизель». Они никогда не произносили этого вслух, но Еве известно: именно эти джинсы с именно этим одеколоном после шести часов означают, что Нико настроен романтически и что вечер закончится в постели.

Ева называет эти штаны «секс-джинсами», а у нее самой нет никакого эквивалента. Никаких туфель типа «трахни меня», кокетливых платьев или атласно-кружевных трусиков с лифчиками. Ее рабочий гардероб безлик и утилитарен, и в другой одежде она чувствует себя глупо и неловко. Нико не устает повторять, как она прекрасна, но Ева не слишком ему верит. Она допускает, что Нико и впрямь ее любит (он повторяет это так часто, что трудно усомниться), но вот за что

– это остается для Евы полной загадкой.

Они беседуют о его работе. Он преподает в местной школе, и согласно его теории подростки из семей победнее, которые в магазинах расплачиваются наличными, гораздо успешнее справляются с задачами на устный счет, чем ребята более обеспеченные, которым родители дают банковские карты.

– Они называют меня Боратом⁷, – говорит он. – Как думаешь, это комплимент?

– Высокий, восточноевропейский акцент, усы... Никуда не денешься. Но им с тобой просто повезло, ты же знаешь.

– Неплохие ребята. Они мне нравятся. А как прошел день у тебя?

– Жутко. Говорила по телефону через преобразователь речи.

– Маскировала голос или просто для прикола?

– Маскировала. Нужно было, чтобы чувак не понял, что с ним говорит женщина. Я хотела звучать как Дарт Вейдер.

– Не буду даже пытаться это представить... – Он смотрит на нее. – Думаю, ты подружишься с девочками. Честное слово.

– Какими девочками?

– С Тельмой и Луизой. С козочками. Они очень милые. Она закрывает глаза.

⁷ Персонаж псевдодокументальной кинокомедии, где роль главного героя исполняет британский комик Саша Барон Коэн. Его персонаж – казахстанский журналист, путешествующий по США.

– Где они сейчас?

– В своем домике. В садике.

– У них есть домик?

– Он продавался вместе с ними.

– То есть ты их и впрямь купил? И они у нас навсегда?

– Любовь моя, я всё подсчитал. Нигерийские карлики – самая богатая на удои порода, а весят они всего тридцать с лишним кило – это когда вырастут, а значит, сена им нужно очень мало. Молочными продуктами мы обеспечим себя полностью.

– Нико, эта жопа мира называется Финчли-роуд, а не сра-ный Котсуолдс⁸.

– Кроме того, нигерийские карлики...

– Прошу, не называй их так. Это козы, точка. И если ты думаешь, что я каждое утро – или пусть не каждое, а хотя бы одно – буду вставать и их доить, то ты рехнулся.

Вместо ответа Нико поднимается из-за стола и идет в крошечную, вымощенную плиткой зону, которую они называют садиком. Еще мгновение, и Тельма с Луизой радостно и резво вбегают в кухню.

– Боже мой, – вздыхает Ева, и ее рука тянется к бокалу.

После ужина Нико моет посуду, затем отправляется в ванную, где освежает парфюм, споласкивает руки и мокрыми пальцами поправляет прическу. Вернувшись, он обнаруживает Еву уснувшей на диване – чайная ложка в одной руке,

⁸ Живописный скотоводческий район в центральной Англии.

а другая свисает, сжав креманку с мороженым. Тельма удовлетворенно улеглась рядом, а Луиза, упершись передними копытцами в диван, длинным розовым язычком подчищает остатки тающего лакомства.

Обдумывая, как одеться для утреннего рандеву, Ринат Евтух останавливает выбор на спортивной рубашке от Версаче, шелковых слаксах и мокасынах из страусовой кожи от «Сантони». Часы «Ролекс Субмаринер» из чистого золота – завершающий штрих к образу человека, который обладает хорошим сдержанным вкусом, но которому лучше ни в коем случае не трахать мозги.

Марина Фальери заставляет его ждать полчаса, ждать, стоя под железным навесом на выходе из отеля к воде. Лениво прогуливающиеся сзади двое охранников в обтягивающих мускулы костюмах скучающе наблюдают за узким каналом. Мстительный Катин настрой полностью унять не удалось, но ее гнев слегка поутих после обещания, что ее фото будет на развороте, а то и на обложке русского «Плейбоя». Подобные вопросы отнюдь не в компетенции Рината, но с этим он разберется позже – каждому овощу свое время. В настоящий же момент Катя надежно пристроена в салоне красоты отеля «Даниэли», где ее волосы подвергаются восстанавливающим процедурам с участием алмазного аэрозоля и экстракта белого трюфеля.

Примерно в половине двенадцатого элегантный белый

мотоскафо⁹, покачиваясь на волнах, появляется из-под низкого мостика и причаливает у гостиничной пристани. За штурвалом – Марина в полосатой футболке и джинсах, ее темные волосы колышутся у плеч. На руках – и Ринату это безотчетно кажется очень сексуальным – водительские перчатки из мягкой кожи.

– Итак. – Она поднимает солнцезащитные очки. – Ты готов узнать *la vera Venezia*?¹⁰

– Еще как. – Шагнув в своих новых мокалинах на лакированную палубу красного дерева, Ринат на мгновение теряет равновесие. Телохранители рефлекторно подаются вперед, но он, балансируя, ступает к Марине и на миг опирается тяжелой рукой о ее плечо.

– Прошу прощения.

– Ничего страшного. Это твои ребята?

– Да, из моей службы безопасности.

– Ну, со мной ты и так в безопасности. – Она улыбается. – Но если хочешь, можешь пригласить их с собой.

– Конечно нет. – Ринат на быстром разговорном русском приказывает телохранителям приглядывать за Катей и сказать ей, что он обедает с деловым партнером. С мужчиной, разумеется. А не с этой *devushka*.

Телохранители ухмыляются и отступают.

– Мне определенно надо выучить русский, – говорит Ма-

⁹ Узкий быстроходный катер.

¹⁰ Настоящую Венецию (*ит.*).

рина, совершая маневры под мостом. – На слух – весьма выразительный язык.

Она искусно прокладывает путь между речными судами и, сбавив скорость, держит курс на юг – мимо Сан-Джорджо-Маджоре и восточного изгиба Джудекки. Мотоскафо с двигателем в 150 лошадиных сил скользит по зеркальной глади лагуны, оставляя позади бледный кильватерный след, а Марина тем временем рассказывает Ринату о дворцах и соборах, мимо которых они проплывают.

– А где именно ты живешь? – спрашивает Ринат.

– У нашей семьи квартира у Палаццо Чиконья, – отвечает она. – У Фальери венецианские корни, но сейчас наша главная резиденция – в Милане.

Он бросает взгляд на ее левую руку в перчатке, легко удерживающую обод штурвала.

– И ты не замужем?

– Я была близка с одним человеком, но он умер.

– Извини. Мои соболезнования.

Марина открывает дроссель.

– Это очень грустно. Я была рядом, когда он ушел. Убитая горем. Но жизнь продолжается.

– Конечно, продолжается.

Она поворачивает к нему голову, приподнимает пальцем солнцезащитные очки, и Ринат успевает поймать мимолетный взгляд янтарных глаз.

– Сзади холодильник, там шейкер и бокалы. Плеснешь се-

бе выпить?

Он вытаскивает покрытый инеем шейкер и высокий бокал.

– А ты?

– Подожду до острова. Не стесняйся.

Он наливает, пьет и одобрительно кивает.

– Это... превосходно.

– Лимончелло. На мой вкус, лучший напиток для такого утра, как сегодня.

– Очень вкусно. Расскажи об острове, куда мы плывем.

– Он называется Оттагоне Фальери¹¹. Когда-то это был форт, защищавший Венецию от вторжений. Один из моих предков купил его в девятнадцатом веке. Он до сих пор нам принадлежит, но сейчас туда никто не ездит, и это место больше похоже на руину.

– Звучит весьма романтично.

Марина одаривает его таинственной улыбкой.

– Посмотрим. Место определенно любопытное.

Они держат твердый курс. Джудекка уже далеко позади, но Ринат видит перед собой лишь серо-зеленую воду. Лимончелло медленно растекается по его венам, словно лед по реке. Он уже забыл, когда в последний раз ощущал такой покой.

Абсолютно неожиданно в дымке вырисовывается форт. Стены из тесаного камня, над ними – верхушки редких дере-

¹¹ Восьмиугольник Фальери (*ит.*).

вьев. Вскоре в поле зрения появляется пристань. К ней причален катер – поменьше, с черным корпусом.

– Мы не одни?

– Я попросила подругу приплыть пораньше и подготовить обед, – спокойно говорит Марина, словно это само собой разумеется.

Ринат кивает. Конечно же. Все в этой женщине его чарует и впечатляет. Ее необычная красота – последние два часа предоставили ему превосходную возможность оценить ее вблизи. Ее непринужденно легкие отношения с большими деньгами. И это старые деньги, это то, что не нуждается в специальном представлении, а само с недвусмысленной мощью заявляет о себе. Просто обладать богатством недостаточно, и Ринату это известно. Нужно иметь связи, нужно знать тайные знаки, по которым подлинные члены сообщества распознают своих. И Марина Фальери – одна из этих «своих».

Уже почти очевидно, что Кате пора уходить.

Марина пришвартовывает мотоскафо, и, пока они идут по выцветшим на солнце доскам причала, до Рината доносятся какие-то металлические звуки. В стене форта выдолблены ступени, а сам он – это восьмиугольное огороженное пространство метров сто в ширину. Сбоку в тени чахлах сосенок – руины кирпичного, покрытого черепицей строения. Вся площадка поросла сухим кустарником и разделена дорожками на четыре части. В самом дальнем от лест-

ницы углу форта спортивно сложенная, коротко стриженная молодая женщина орудует киркой, монотонно долбит каменистый грунт. В лифчике от бикини, военных шортах и полевых ботинках она смотрится весьма необычно. Обернувшись, женщина ловит взгляд Рината, бросает кирку на землю и неторопливо шагает к руине.

Не обращая на нее внимания, Марина ведет Рината к накрытому белой скатертью столу в центре площадки. У обоих торцов стола – железные садовые стулья.

– Приступим? – спрашивает она.

Они садятся. За каменной стеной не видно ни кусочка суши – лишь безбрежная безмятежность лагуны. Ринат слышит сзади позвякивание подноса. Это «женщина с киркой» несет охлажденное вино, минеральную воду, закубочное ассорти и изысканные крошечные печенья. Ее мускулистое тело поблескивает от легкого налета пота, а лодыжки и ботинки покрыты пылью.

Марина по-прежнему ее игнорирует и улыбается Ринату.

– Угощайся. *Buono appetito*.

Ринат пытается съесть мортаделлу, но аппетит куда-то делся, его подташнивает. Он все же заставляет себя прожевать и проглотить ломтик. Монотонные железные звуки кирки вскоре возобновляются.

– А что она делает? – Его голос звучит словно издали, отдельно от него самого.

– Так, кое-что по саду. Лучше, когда она при деле. Поз-

воль угостить тебя вином. Это местный сорт «Бьянко ди Ку-стоза», но ты наверняка оценишь.

Вино – хоть местное, хоть какое – последнее, чего сейчас хотелось бы Ринату, но вежливость понуждает его протянуть бокал. Он с трудом удерживает его, пока Марина наливает вино. По лицу и спине градом бежит пот, горизонт мерцает и покачивается. Та часть Рината, которая еще способна функционировать, отмечает, что звон кирки сменился ровным ритмичным стуком лопаты. Он делает попытку глотнуть воды, но давится, и вино вместе с мортаделлой выворачивается на скатерть.

– Я... – начинает было Ринат, тяжело откидываясь на спинку. Сердце колотится, руки и грудную клетку колет и жжет, по телу словно бегут огненные мурашки. Он сжимает кулаки, так что ногтями впивается в кожу; нарастает паника.

– Это ощущение называется парестезией, – объясняет Марина по-русски, отпивая вино. – Симптом отравления аконитином.

Ринат смотрит на нее, вытаращив глаза.

– Лимончелло. Ты умрешь меньше чем через час – от остановки сердца или дыхания. Судя по твоему виду, я бы поставила на остановку сердца. Но сначала...

Ринат судорожно извивается на железном стуле, его снова рвет, а следом, отнюдь не беззвучно, опорожняется кишечник прямо в шелковые слаксы цвета слоновой кости.

– Да, именно вот это. Что до остального, я не стану пор-

тить сюрприз. – Она поворачивается и машет рукой второй женщине. – Лара, *detka*, иди сюда.

Лара опускает лопату и неторопливо подходит к ним.

– Могила почти готова, – говорит она и после секундного раздумья выбирает себе печенье из коробки. – О господи, *kotik*, печенье прекрасно.

– И впрямь божественно, скажи? Я купила его в той пастицерии на Сан-Марко, где мы ели кремовые пирожные.

– Надо еще раз туда наведаться. – Лара бросает взгляд на Рината, который теперь корчится на земле, а вокруг его грязных слаксов роятся мясные мухи. – Как думаешь, сколько ему еще осталось?

Марина морщит нос.

– Может, полчаса или около того. Нужно будет все же уложить его в землю. При таком аромате как-то не обедается.

– Да, запашок тот еще.

– С другой стороны, его еще можно спасти, если он кое-что нам расскажет. Для аконитина у меня есть противоядие.

Ринат таращит глаза.

– *Pozhaluysta*, – шепчет он. Его лицо покрыто полосами слез и рвоты. – Умоляю. Все что хотите.

– Сейчас я хочу вот что, – задумчиво произносит Лара, доставая из коробки очередное печенье. – С самого утра в голове крутится одна и та же песня, она уже буквально свела меня с ума. *Дада дада дада дада да дададада...*

– *Posledniy raz*, – шепчет Ринат, в агонии сворачиваясь в

позу зародыша.

– Боже мой, точно! Стыдно, что я забыла. Мама всегда ей подпевала. И твоя мама, *kotik*, наверняка тоже.

– Честно говоря, моей матери не особо было о чем петь. Если не считать рака в терминальной стадии. – Кончик языка бегло скользит по шраму на верхней губе. – Но мы впустую тратим последние драгоценные минуты Рината. – Лже-Марина приседает, чтобы смотреть ему прямо в глаза. – Мне, *ublyudok*, нужны от тебя ответы, и нужны прямо сейчас. Малейшая ложь, малейшее, б..., колебание, и ты обосрешься здесь до смерти.

– Только правда. Клянусь.

– Ну тогда ладно. Тот человек, которого ты похитил в Одессе, – зачем ты это сделал?

– Нам приказали из СВР, это русская служба...

– Я знаю, что такое, блин, СВР. Зачем?

– Меня вызвали в один из их центров. Велели...

Его скручивает очередной спазм, и на губах выдувается пузырь желтоватой слюны.

– Часики тикают, Ринат. Что тебе велели?

– За... захватить этого Константина. Отвезти на виллу в Фонтанке.

– А почему ты подчинился?

– Потому что они... Боже, *прошу*... – Он ногтями царапает плечи и грудь – парестезия вновь дает о себе знать.

– Потому что они – что?

– Они... знают разное. Знают о «Золотом братстве». Знают, что мы пересылали девочек из Украины в Турцию, Венгрию, Чехию.

У них были документы, записи наших переговоров, они могли меня уничтожить. Все, что я...

– Когда Константин сидел в Фонтанке, СВР его допрашивала?

– Да.

– Они получили ответы на свои вопросы?

– Не знаю. Его допрашивали, но они... О боже... – Его рвет желчью, опорожняется мочевого пузырь. Вонь, жужжание мясных мух – все становится еще гуще. У противоположного края стола Лара угощается третьим печеньем.

– Но они?..

– Меня убрали из комнаты. Я слышал только, как они орала, повторяя один и тот же вопрос: «Кто такие „Двенадцать“?»

– И он ответил?

– Не знаю, они... Они ужасно его избивали.

– Так он рассказал или нет?

– Не знаю. Они все время повторяли один и тот же вопрос.

– И кто же такие «Двенадцать»?

– Не знаю. Клянусь.

– *Govno*. Херня.

Его снова скручивает, по щекам текут слезы.

– *Прошу!* – скулит он.

– Прошу – что?

– Вы говорили...

– Мало ли что я говорила, *tudak*. Расскажи о «Двенадцати».

– Я знаю только слухи.

– И какие именно слухи?

– Это что-то типа... тайной организации. Очень могущественной и беспощадной. Больше ничего не знаю, клянусь.

– Чего они хотят?

– Откуда я, б..., знаю?

Она задумчиво кивает.

– Сколько было тем девочкам? Которых «Золотое братство» отправляло в Европу?

– Шестнадцать, не младше. Мы же не...

– «Мы же не работаем с детьми»? Ты что, феминист?

Ринат открывает рот, но не успевает ответить – его сводит очередная судорога, он выгибается грудью вверх и несколько секунд стоит как паук – на руках и ногах. В следующее мгновение на грудь ему, корчащемуся в агонии, опускается ступня, придавливая к земле, и женщина, известная Ринату под именем Марина Фальери, снимает парик цвета воронова крыла и достает из глаз янтарные линзы.

– Сожги, – приказывает она Ларе.

Теперь, без грима, у нее совсем иной вид. Темно-русые волосы, морозно-серые глаза и бездонно-пустой взгляд, не говоря уже о «чизетте» с глушителем в ее руке. Ринат пони-

мает, что это конец, и оттого боль каким-то образом немного, на градус-другой, утихает.

– Кто вы такие? – шепчет он. – Кто вы, б..., такие?

– Меня зовут Вилланель. – Она направляет «чизетту» ему в сердце. – Я киллер у «Двенадцати».

Под его взглядом она дважды спускает курок. В дневном душном воздухе звуки выстрелов через глушитель – словно треск сухого хвороста.

Перетащить труп Рината и похоронить его в вырытой могиле – дело недолгое, но хлопотное и неприятное, так что Вилланель предоставляет это Ларе. Сама же тем временем погружает на мотоскафо стол, стулья и остатки обеда. Возвращается с канистрой. Пропитывает бензином футболку с джинсами и бросает их в разведенный Ларой костер поверх тлеющего парика.

Ринат уже закопан, и Вилланель приказывает Ларе снять шорты и лифчик от купальника. Зачистка занимает почти час, но в итоге вся одежда сожжена, пепел развеян, а все, что не сгорело – кнопки, застежки, пуговицы, – отправлено в воды лагуны.

– На катере есть ведро, – бормочет Вилланель, глядя на воду.

– Зачем?

– Угадай. – Она указывает на благоухающие Ринатовы выделения.

Наконец Вилланель удовлетворена, они спускаются к пристани, переодеваются в одежду, которую привезла с собой Лара, отшвартовывают катера и отчаливают на северо-восток. Венецианская лагуна мелководна, средняя глубина – около десяти метров, но есть в ней ямы и гораздо глубже. Неподалеку от острова Повелья глубиномер на мотоскафо обнаруживает одно такое место, и Вилланель отправляет туда стулья, кирку и лопату.

В XVIII и XIX веках Повелья служила карантинным изолятором, куда приставали суда, зараженные чумой. В начале XX века здесь была психиатрическая клиника, где согласно венецианским легендам пациентов подвергали жутким опытам. Сегодня остров заброшен, имеет необитаемый вид и репутацию места с привидениями, так что туристические катера тут нечастые гости.

Повелья разделена надвое узким каналом, который скрыт свисающими ветвями деревьев. Именно здесь, вдали от судоходных маршрутов, девушки пришвартовываются. Под придирчивым взглядом Вилланель Лара обрабатывает все поверхности мотоскафо спреем, удаляющим ДНК, затем выдергивает пробку отливного отверстия и перепрыгивает на второй катер. Мотоскафо тихо погружается под воду и через двадцать минут уже покоится на дне канала.

– Его, конечно, найдут, – говорит Вилланель. – Но не сразу. Нам пора в гостиницу. Мы же по сценарию сестры?

– Да. Я там сказала, что еду тебя встречать в аэропорт

Марко Поло.

– А мой багаж?

– В ящике.

Вилланель изучает сумки из телячьей кожи от Феррагамо.

– Кто мы такие?

– Юлия и Алена Пинчук, совладельцы киевского агентства знакомств MySugarBaby.com.

– Прекрасно. Кто из них я?

– Юлия.

Вилланель откидывается на кремового цвета кожаную спинку пассажирского сиденья.

– Поехали. Тут работа выполнена.

Сидя в ресторане отеля «Эксельсиор» на Лидо, Вилланель и Лара попивают розовое шампанское «Мерсье», закусывая охлажденными *frutti di mare*¹² с серебряной этажерки. В зале, украшенном колоннами в мавританском стиле, преобладают оттенки белого и слоновой кости и не слишком людно: уже конец сезона, и летняя публика почти разъехалась, хотя фоном все равно слышен оживленный гул голосов, прерываемый вспысками хохота. За террасой – плохо различимая в сумерках лагуна, ее поверхность темнее неба буквально на один тон. В воздухе ни дуновения.

– Ты сегодня прекрасно справилась, – говорит Вилланель, накалывая на вилку лангустина.

¹² Дары моря, морепродукты (*ит.*).

Лара тыльной стороной ладони касается ее теплого плеча.

– Я благодарна тебе за учебу. Этот опыт невероятно ценен.

Я столько узнала. Серьезно.

– По крайней мере, у тебя появляется стиль в одежде. Не вот это вот *lesbiyskoe porno*.

Лара улыбается. Платье из шелкового шифона, короткая стрижка, оголенные мускулистые руки – она смотрится мифологической богиней войны.

– Как думаешь, тебя скоро пошлют на самостоятельное задание? – спрашивает Вилланель.

– Может быть. У меня проблема с языками. Я до сих пор говорю по-английски с ужасным русским акцентом, поэтому меня на время пристраивают в один дом прислугой.

– В Англии?

– Да. Какой-то городок, Чиппинг-Нортон. Ты там бывала?

– Нет, но слышала. Один из пригородов с грязными денежками, вроде Рублевки. Куча скучающих домохозяек нюхают кокаин и трахают тренеров по теннису. Тебе понравится. А чем занимается муж?

– Он *politik*. Член парламента.

– Тогда тебе, скорее всего, придется заставить его лизнуть твою киску, чтобы получить *kompromat*.

– Мне бы больше хотелось лизнуть твою.

– Знаю, *detka*, но работа есть работа. Сколько у них детей?

– Девочки-двойняшки. Пятнадцать лет.

– Веди себя с ними осторожно. Не распускай руки, чтобы

даже ни намека. Англичане относятся к этому крайне трепетно.

Лара разглядывает раскрытую устрицу, капает в нее соусом табаско, а потом наблюдает за мини-конвульсиями моллюска.

– Я хотела тебя кое о чем спросить. Про сегодня.

– Давай.

– Зачем ты затеяла отравление? Ведь у тебя был пистолет.

– Полагаешь, следовало просто пригрозить пушкой, чтобы он заговорил?

– А почему нет? Так гораздо проще.

– Подумай сама. Прокрути в голове весь сценарий.

Лара выливает устрицу в рот и направляет взгляд в нежные сумерки.

– Потому что была бы патовая ситуация?

– Именно. Эти *vory* старой закалки – даже такой мешок дерьма, как Евтух, – ребята крепкие, и в их мире лицо – это всё. Такому чуваку пригрозить пристрелить, если не заговорит, а он тебе ответит: «Иди на х...» – и что? Убьешь его – информации не получишь.

– А если выстрелить в руку или в ногу, или еще куда-нибудь, где больно, но не смертельно, и пригрозить, что продолжишь в том же духе, если он не заговорит?

– Это умнее, но если тебе нужна правда, человек с болевым шоком и огнестрельным ранением – не лучший источник. Травмированные люди порой несут всякую хрень. Глав-

ная фишка игры с ядом и противоядием в том, что он вынужден в нее играть. И суровый выбор делает он, а не ты. Неважно, верят тебе или нет – кстати, от смертельной дозы аконитина не существует антидота, – но он все равно знает: единственный шанс выжить – заговорить. А будет молчать – стопроцентный труп.

– Шах и мат.

– Именно. И важно рассчитать время. Нужно, чтобы яд начал действовать, чтобы давление исходило от яда, а не от тебя. Яд доведет его до такого отчаяния, что он не просто запоет – ты ему рот не сможешь заткнуть.

Ночью того же дня они лежат в постели. Занавески колыхает легкий бриз.

– Я благодарна тебе, что ты меня сегодня не убила, – шепчет Лара, уткнувшись губами в волосы Вилланель. – Знаю, у тебя был такой план.

– Ты о чем?

– Просто я начинаю понимать, как ты работаешь. Как ты мыслишь.

– И как же я мыслю?

– Ну вот давай представим, чисто теоретически: ты убиваешь Рината именно так, как и убила, а потом стреляешь в меня, затем бросаешь оба трупа в катер и взрываешь его...

– И дальше что?

– Полиция расследует взрыв и находит останки Рината и некоей женщины. Потом беседуют с людьми в Ринатовом

отеле и выясняют, что утром он уплыл с женщиной.

– Ну да.

– Из чего делают вывод, что мой труп – та самая женщина. Мы с Ринатом погибли в катастрофе.

– И на что мне, *detka*, устраивать весь этот геморрой?

– Полиция не станет искать тебя, ведь ты труп. И я тоже труп. Единственный человек на свете, который знает, кто ты. Единственный, кто знает, что ты – Оксана Воронцова из Перми.

– Лара, я не собираюсь тебя убивать. Честное слово.

– Но ты об этом думала.

– Ну, может, секунду-другую. – Она поворачивает лицо к Ларе, чтобы смотреть ей глаза в глаза, чтобы губы почти касались губ, чтобы они дышали дыханием друг друга. – Но всерьез не думала. Ведь ты вскоре станешь полноправным солдатом «Двенадцати». Вряд ли им понравится, если я разнесу тебя на кусочки, правда?

– Это единственная причина?

– М-м-м... И еще я бы стала скучать по этому. – Ее рука скользит по твердому животу Лары, пальцы ласкают теплую кожу.

– Ты прекрасна, – спустя пару мгновений произносит Лара. – Настолько совершенна, даже не верится. Но ты делаешь такие...

– Такие *что*?

– Такие жуткие вещи.

– Тебе тоже придется, поверь.

– Я солдат. Ты сама говоришь. Война – моя стихия. Но ты можешь жить любой жизнью. Можешь уйти.

– Из этого нельзя уйти. Да я бы и не захотела. Мне нравится моя жизнь.

– Но ведь иначе ты погибнешь. Рано или поздно эта англичанка тебя найдет.

– Ева Поластри? Мне хочется, чтобы она меня нашла. Хочется с ней порезвиться. Хочется, чтобы она, как мышка, покаталась под моей кошачьей лапой. Хочу подцепить ее коготками.

– Ты ненормальная.

– Я нормальная. Просто я люблю играть в эту игру. И выигрывать. Поластри тоже игрок, и поэтому она мне нравится.

– Только поэтому?

– Не знаю. Может, и нет.

– Мне стоит ревновать?

– Ревнуй, если хочешь. Мне без разницы.

Лара некоторое время молчит.

– И ты никогда не сомневаешься? Ни в чем?

– А почему я должна сомневаться?

– Этот миг, когда ты спускаешь курок. Когда цель уже практически мертва, но еще не знает об этом. И ночью, когда ты закрываешь глаза, они все являются. Все эти мертвецы, они ждут тебя...

Вилланель улыбается, целует Лару в губы, ее рука про-

скальзывает между Лариных ног.

– Они мертвы, *detka*. Все до единого. – Ее пальцы начинают нежный танец. – Единственный, кто тебя ждет, это я.

– И ты их никогда не видишь? – шепчет Лара.

– Никогда, – отвечает Вилланель, входя пальцами внутрь.

– И ты... ничего потом не чувствуешь? – спрашивает Лара, сопротивляясь пальцам Вилланель.

– Дорогая, прошу. Просто заткнись.

Спустя полчаса они уже почти спят, и тут на ночном столике начинает вибрировать телефон.

– Что случилось? – сонно спрашивает Лара, когда Вилланель тянет через нее руку.

– Работа.

– Ты, блин, шутишь?

Вилланель целует ее в кончик носа.

– Злодеям не до сна, *detka*. Тебе пора бы уже это уяснить.

Глава 2

Если Деннис Крэйдл и удивлен, обнаружив в машине Еву, ему хорошо удастся это скрыть. В салоне восьмилетнего «Фольксвагена Гольф» из автопарка МИ-6 пахнет старым освежителем; Крэйдл молча садится на пассажирское место. Трогаясь, Ева включает «Радио 4 Тудэй», и они оба притворяются, будто слушают.

На протяжении всего пути до Девера он не произносит ни слова. Поначалу Ева истолковывает его молчание как отчаянную попытку продемонстрировать власть, учитывая, что

во время службы Евы в МИ-5 он стоял на много рангов выше. Позднее ей в голову приходит более зловещее объяснение: Крэйдл ничего не говорит, потому что прекрасно знает, зачем она здесь, и знает не только он, но и организация, которая ему платит. Но если так – что еще им известно о Еве Поластри? А если уж на то пошло, и о Нико? При мысли, что ее муж мог оказаться в поле зрения врага, а то и чего похуже, Еву скручивает мучительное чувство вины. И не выходит отмахнуться от того факта, что она же сама и создала эту ситуацию. Ричард понял бы ее, реши она уйти после гибели Саймона Мортимера в Шанхае; более того, он настоятельно рекомендовал ей именно так и сделать. Но она не может отступить – и не отступит.

На выезде из Лондона движение плотное, но на трассе Ева нагоняет время и без четверти девять уже сворачивает на боковой съезд со знаком «Только для служебного транспорта». Дорога ведет через жидкий лесок к стальным воротам в ограде из рабицы с колючей проволокой. У ворот – караульная будка, где вооруженный капрал военной полиции проверяет Евин пропуск и разрешает проехать в сторону низких кирпичных домов неопределенного цвета, где раньше находилась правительственная исследовательская станция. Паркуя машину на стоянке, она видит полдюжины солдат в спортивных костюмах, совершающих забег вдоль ограды по периметру территории. Другие с автоматами расхаживают между облезлыми домами.

На проходной Еву и Крэйдла встречает солдат из Отряда Е, спецназовского подразделения, которое здесь базируется. Бросив взгляд на Евин пропуск, он кивком приглашает следовать за ним. Комната для допросов расположена в конце подземного коридора, освещенного линейными светильниками. Обстановка минимальная, и никаких камер наблюдения не видно. На раскладном столе – электрочайник, початая бутылка минеральной воды, две покрытых налетом кружки, пачка печенья и коробка с чайными пакетиками, сахаром и сухим молоком. В комнате чересчур свежо; кондиционер издает слабое вибрирующее жужжание.

– Можно я тут немного похозяйничаю? – как ни в чем не бывало спрашивает Крэйдл, подходя к столу.

– Ради бога, – отвечает Ева, усаживаясь на пыльный пластиковый стул. – Мне неохота тратить здесь лишнее время; вам, думаю, тоже.

– За нами наблюдают? Нас слушают? Записывают?

– Уверена, что нет.

– Полагаю, речь пойдет... Господи, этому печенью уже, наверное, год.

– Главное правило, – говорит Ева. – Если соврете, станете увливать или динамить, сделка отменяется.

– Справедливо. – Он наливает воду в чайник. – Молоко и один сахар?

– Вы слышали, что я только что сказала?

– Миссис Поластри. Ева. Я уже десять с лишним лет про-

вожу тактические допросы. Мне известны правила.

– Прекрасно. Тогда начнем с самого начала. Как они вышли на вас?

Крэйдл зевает, неторопливо прикрывая рот рукой.

– Мы были в отпуске, года три назад. Теннисный лагерь под Малагой. Там жила еще одна пара, из Голландии, и мы с Пенни стали регулярно с ними играть. Они сказали, что их зовут Рем и Гайте Баккер и что приехали они из Делфта, где он занимается консалтингом в области ИТ, а она – рентгенолог. Сейчас я сомневаюсь, что это правда, но в то время у меня не было оснований им не верить, и мы стали квазидрузьями, как это бывает в отпуске. Вместе ходили обедать и все такое. Как-то раз вечером Гайте, Пенни и еще несколько жен устроили девичник – фламенко, сангрия и вот это вот всё, а мы с Ремом отправились в город посидеть в баре. Немного поболтали о спорте – Рем был большим фаном Федерера¹³, а потом заговорили о политике.

– Кем вы назвались по профессии?

– Я выдал ему стандартную, без конкретики байку о Хоум-офисе. Ну и, конечно же, после этого мы некоторое время обсуждали иммиграционные проблемы¹⁴. Впрочем, с разговорами о политике он не особо давил. Кажется, вечер закончился беседой о винах, а в этом он оказался просто экспертом. В общем, это был один из тех приятных жизнеутвер-

¹³ Роджер Федерер – швейцарский теннисист.

¹⁴ Вопросы иммиграции входят в сферу ведения Хоум-офиса.

ждающих вечеров, которые порой случаются на отдыхе.

– А потом?

– А потом – через месяц после нашего возвращения – Рем прислал мне имейл. Он приехал на пару дней в Лондон и хотел познакомить меня со своим другом. Идея состояла в том, что мы втроем встретимся в одном винном клубе на Пэлл-Мэлле, где состоит его друг, и продегустируем редкие коллекционные вина. Помнится, он упомянул «Ришбур» и «Эшезо», от которых я со своим жалованьем в Темз-хаусе (хоть я и замначальника секции) обычно держусь на солидном расстоянии. Так что вы сказали добавить – молоко и сахар?

– Просто чай. И как же вы отнеслись к тому, что он вновь хочет общаться, да еще в подобном формате?

– Помню, я еще подумал, что для англичанина это несколько выходит за границы приличий. Одно дело – выпить в баре на отдыхе и совсем другое – искать продолжения знакомства, пусть мы и дежурно обменялись электронными адресами. В то же время, надо сознаться, мне пришло в голову, что я рискую упустить шанс хоть раз в жизни попробовать настоящее классическое бургундское, и я ответил, что приду.

– Другими словами, они вами безупречно сманипулировали.

– Типа того, – ответил Крэйдл, протягивая Еве кружку. – Но должен сказать, я не пожалел, что пошел.

– Что там оказался за друг?

– Русский, Сергей. Молодой парень, около тридцати, невероятно элегантный. Костюм от «Бриони», безупречный английский, превосходное французское произношение в разговоре с сомелье, само обаяние. А на столе – я не поверил глазам – три бокала и бутылка «ДРК».

– А если человеческим языком?

– «Домен Романе Конти». Самое тонкое, редкое и, несомненно, самое дорогое в мире из красных бургундских вин. Та бутылка была урожая 1988 года, в розницу стоит двенадцать штук. Я чуть в обморок не упал.

– Значит, это ваша цена? Шанс угоститься дорогим вином?

– Не судите столь категорично, Ева, вам не идет. Нет, это не моя цена. Это просто дружеский жест. И пусть вино и было хорошим (а если я говорю «хорошим», это значит реально высокий класс), я не чувствовал себя скомпрометированным ни на йоту. При обычном раскладе я бы сердечно поблагодарил Рема и Сергея, пожал бы им руки, и мы бы больше не встретились.

– Стало быть, расклад оказался необычным. Чем же?

– Нашей беседой. Ту глубину, с которой Сергей – если это, конечно, его настоящее имя – владел вопросами международной стратегии, редко встретишь за пределами лучших аналитических центров и высших правительственных кругов. Когда перед тобой раскладывают по полочкам сложней-

шие проблемы, ты поневоле слушаешь.

– Похоже, он прекрасно знал, кто вы такой.

– Мне это стало очевидно уже через пару минут после начала разговора. Я не сомневался, что они с Ремом – крупные фигуры в мире разведки. Все шло очень гладко, и мне было любопытно, что именно они предложат.

– Вы знали, что последует предложение?

– То или иное. Но они не акцентировались на деньгах, и... в общем, хотите верьте, хотите нет, дело вообще было не в этом. То есть не в деньгах. Дело было в идее.

– В идее, как же, – отрезала Ева. – Вы хотите сказать, что апартаменты на юге Франции или яхты с загорающими двадцатилетними сербскими инструкторшами по фитнесу – все это не имеет отношения к деньгам? Что речь идет об убеждениях?

– Как я уже сказал – хотите верьте, хотите нет.

– А кто такой Тони Кент?

– Понятия не имею.

– Закулисный посредник. В сущности, он вам и платил, хотя следы заметал весьма старательно.

– Вам виднее.

– Вы уверены? Подумайте еще раз. Тони Кент.

– Абсолютно уверен. Меня не посвящали ни в какие детали. Не называли никаких имен, даю вам слово.

– И вы хотите сказать, что поверили в это самое их дело? Серьезно?

– Ева, выслушайте меня, прошу. И вы знаете, и я знаю, что мир катится к чертям. Европа рушится, Штатами руководит имбецил, а исламский юг в поясе шахида движется на север. Центр не справляется. На сегодняшний день мы облажались.

– Это *вы* так видите.

– Это то, как обстоят дела, точка. Мне можно возразить: мол, проигрыш Запада – выигрыш Востока, мол, пока мы тут горим, они греют руки. Но в долгосрочной перспективе все иначе. Наши проблемы рано или поздно становятся их проблемами. Единственный способ добиться хоть какой-то стабильности, единственный способ *выжить* – сотрудничество главных держав. Речь не просто о торговых соглашениях или политических альянсах, а о том, чтобы все они дружно и энергично взялись за утверждение и защиту наших ценностей.

– А если конкретнее, что это за ценности?

Он подается вперед. Твердо смотрит ей в глаза.

– Ева, послушайте. Мы здесь одни. Никто за нами не следит, никто не подслушивает, всем по фиг, о чем мы тут беседуем. Поэтому я прошу: одумайтесь. Вы можете встать на сторону будущего, а можете заикнуться на сгоревших обломках прошлого.

– Вы хотели рассказать о ценностях.

– Я расскажу о том, что перестало работать. Это мультикультурализм и демократия, построенная на правиле наименьшего общего знаменателя. Их дни сочтены.

– И что же придет на смену?

– Новый мировой порядок.

– Созданный предателями и наемными убийцами?

– Я не считаю себя предателем. А что касается убийц – чем, по вашему, занимается Отряд Е? Вооруженное крыло необходимо любой системе, и да, у нас есть свое.

– А зачем вы убили Виктора Кедрина? Его политическая философия, кажется, вполне в вашем духе.

– Так и есть. Но Виктор был еще и пьяница со слабостью к малолеткам. Рано или поздно это вылезло бы наружу и запятнало бы идею. А так он мученик, трагически погибший за убеждения. Не знаю, приходилось ли вам бывать в последнее время в России, но Виктор Кедрин там повсюду. Плакаты, газеты, блоги... Такая популярность ему при жизни и не снилась.

– Назовите мне имя этой женщины.

– Какой?

– Той, что у меня под носом убила Кедрина, а также Саймона Мортимера и бог знает скольких еще.

– Понятия не имею. Вам лучше поговорить с кем-то из отдела по клинингу.

В ту же секунду, не сознавая, что делает, Ева выхватывает из кобуры пистолет и направляет его Крэйдлу в лицо.

– Я же, блин, сказала со мной не играть. Как? Ее? Зовут?

– Говорю же, не знаю. – Он пристально смотрит на нее. – Еще, полагаю, вам лучше убрать эту штуку, пока она не на-

творила бед. Живой я для вас гораздо ценнее, чем мертвый. Только вообразите, как вам придется все это объяснять.

Злясь на себя, Ева опускает пистолет.

– А вам не мешало бы помнить, на каких условиях вы сидите здесь, беседуя со мной, а не под арестом за измену. Вы сейчас назовете мне все свои контакты и расскажете, как выходите с ними на связь. Какие услуги оказали и какую информацию успели передать. Кто и как вам платит. И сообщите мне имена всех до единого офицеров секретных служб, да и любых других людей, которые продали свою страну этой организации.

– «Двенадцать».

– Что?

– Это ее название. «Двенадцать». *Le Douze. Dvenadsat.*

Раздается решительный стук в дверь, и в комнату заглядывает солдат, который их сюда провожал.

– У шефа для вас сообщение, мадам. Вы можете выйти наверх?

– Ждите здесь, – приказывает она Крэйдлу и вслед за солдатом поднимается на первый этаж, где ее ожидает плотно сбитый усатый офицер.

– Звонил ваш муж, – сообщает он. – Говорит, вам нужно срочно ехать домой. К вам кто-то проник.

Ева изумленно глядит на него.

– Он больше ничего не сказал? С ним все в порядке?

– Боюсь, у меня нет такой информации. Извините.

Она кивает и ощупывает карманы в поисках телефона. Сначала – автоответчик, но через пару секунд Нико перезванивает сам.

– Я дома. Здесь полиция.

– Так что случилось?

– Все довольно странно. Миссис Хан через дорогу увидела, как из окна нашей гостиной вылезает какая-то женщина, по всей видимости, совсем обнаглевшая – она даже не пыталась прятаться, и миссис Хан набрала 999. Я узнал об этом от копов, они приехали за мной в школу и повезли домой. Насколько я могу судить, ничего не пропало, но...

– Но что?

– Просто приезжай, ладно?

– Как я полагаю, женщины и след простыл?

– Да.

– Есть описание?

– Молодая, стройная...

Ева уже и так знает. Знает наверняка. Как знает и то, что Нико, судя по его голосу, что-то недоговаривает. Через несколько минут она мчится на юг по трассе А303, Крэйдл – на пассажирском сиденье. Ей физически отвратительно подобное соседство, отвратителен легкий, но уже приевшийся запах его туалетной воды. Однако чувствовать его за спиной было бы еще хуже.

– Я уполномочен сделать вам предложение, – обращается он к ней, когда они проезжают мичелдеверский автосервис.

– Предложение? Вы, блин, издеваетесь?

– Слушайте, Ева, я не знаю точно, каков ваш теперешний статус и в каком именно отделе вы сейчас работаете, но мне известно, что еще недавно вы занимали один из младших постов в Темз-хаусе, занимались вопросами взаимодействия и получали мизерное жалование. «Государственная служба – награда сама по себе», бла-бла-бла, прочая подобная фигня. И готов спорить, все примерно так и осталось. По крайней мере, в финансовом плане.

– Черт! – Ева резко жмет на тормоз, чтобы не врезаться в «Порш», который решил обогнать ее по левой, медленной, полосе. – Куда прешь, козел!

– Однако представьте: у вас в банке лежат несколько миллионов, и, когда настанет подходящий момент, вы с мужем сможете бросить работу и свалить куда-нибудь на солнышко. Провести остаток жизни, путешествуя первым классом. Больше никаких тесных квартирок и давок в метро. Никаких бесконечных зим.

– И у вас уже все это блестяще вышло.

– В итоге выйдем. Поскольку я знаю, что вы достаточно умны и понимаете, что я вам нужен. Что корабль государства даже не тонет, а уже пошел ко дну.

– Вы правда в это верите?

– Ева, то, что я предлагаю, – не измена, а здравый смысл. Если действительно хотите служить своей стране, вступайте в наши ряды и помогите построить новый мир. Мы везде.

Имя нам легион. И мы вознаградим вас...

– О боже, только этого не хватало.

В зеркале заднего вида приближается, неуклонно увеличиваясь, полицейский мотоцикл с мигающими синими маячками. В надежде, что он промчится мимо, Ева сбавляет скорость, но тот, обогнав, едет прямо перед ней, а патрульный машет рукой, указывая на обочину.

Ева подчиняется. Патрульный останавливается напротив машины, ставит свой мощный «БМВ» на опору, неторопливо подходит и заглядывает в салон со стороны водителя.

Ева опускает стекло.

– Какая-то проблема?

– Можно взглянуть на права? – Голос женский. В щитке белого шлема отражается солнце.

Ева протягивает ей права вместе с пропуском Секретной службы.

– Выйдите из машины, пожалуйста. Оба.

– Вы серьезно? Я еду в Лондон, у меня взломали квартиру. Можете справиться в полиции. И я особенно рекомендую обратить внимание на этот пропуск.

– побыстрее, пожалуйста.

– Ради бога. – Ева медленно, не пытаясь скрыть раздражения, вылезает наружу. Мимо в пугающей близости от них проносятся машины.

– Руки на капот. Ноги врозь.

У нее необычный для полицейского выговор. В душу Евы

начинают закрадываться сомнения. Опытные руки обхлопывают ее сверху вниз, забирают телефон, вынимают из кобуры ее «глок». Она слышит легкий щелчок фиксатора магазина, затем пистолет возвращается на место. Это не полицейский, Ева уже точно знает.

– Повернитесь.

Ева подчиняется. Окидывает взгляд стройное женское тело в светоотражающей куртке, кожаных штанах и ботинках. Наблюдает, как женщина подносит руки к шлему и поднимает щиток, видит пустой взгляд морозно-серых глаз. Взгляд, который она уже раньше встречала. На шанхайской оживленной улице в ту ночь, когда нашли тело Саймона Мортимера с почти отсеченной головой.

– Ты, – произносит Ева. Ей с трудом удастся дышать. Сердце сейчас выпрыгнет из груди.

– Я. – Она снимает шлем. Под ним балаклава, скрывающая все лицо, кроме ледяных серых глаз. Опустив шлем на землю, женщина знаком подзывает Крэйдла, и тот, выйдя из машины, подходит к мотоциклу. – Сдуй у «Фольксвагена» шины, Деннис, и забери ключи. Потом жди у мотоцикла.

Крэйдл смотрит на Еву, улыбается и пожимает плечами.

– Извините, – говорит он. – Боюсь, этот раунд вы проиграли. Видите, как у нас заботятся о своих?

– Вижу, – отвечает Ева, стараясь сохранять спокойствие.

Женщина берет ее за плечо, отводит на пару шагов в сторону и внимательно разглядывает, словно стараясь навеки

запечатлеть в памяти.

– Я скучала по тебе, Ева. Скучала по твоему лицу.

– Жаль, я не могу сказать то же самое.

– Ева, ну не будь такой злокой.

– Ты собираешься убить Крэйдла?

– Почему? Думаешь, стоит?

– Ведь обычно ты именно этим занимаешься.

– Прошу, давай не будем. Мы так редко видимся. – Она поднимает руку, касается пальцем ее лица, и Ева едва не лишается дара речи: у этой женщины на запястье браслет, который она потеряла в Шанхае.

– Это... это *мой*. Где ты его взяла?

– У тебя в номере, в гостинице «Морская птица». Как-то ночью залезла посмотреть на тебя спящую. Не смогла устоять.

Ева ошарашенно глядит в ее непроницаемые глаза.

– Ты... смотрела, как я сплю?

– Ты была восхитительна. Волосы разметались по подушке. Такая беззащитная. – Она поправляет выбившуюся у Евы за ухом прядь волос. – Но вообще-то тебе лучше быть поосторожнее. Ты напоминаешь одну мою бывшую знакомую. Те же милые глаза, та же грустная улыбка.

– Как ее звали? И как зовут *тебя*?

– О Ева, у меня столько имен...

– Ты знаешь мое имя, а свое назвать не хочешь?

– Это все испортит.

– Испортит? Ты утром вломилась, б... , в мой дом, а теперь боишься что-то там испортить?

– Я хотела что-нибудь тебе оставить. Как сувенир. – Она встряхивает запястьем с браслетом. – Взамен этого. Но мне уже пора идти, хоть и нравится с тобой болтать.

– Ты его забираешь? – Ева кивком указывает на Крэйдла, который топчется у мотоцикла в двадцати шагах от них.

– Я должна. Но нам обязательно нужно снова встретиться, у меня к тебе столько вопросов. И я столько хочу рассказать... А пока что – *à bientôt*, Ева. Пока.

Мотоцикл мчится по сельским дорогам. Ранняя осень, деревья и придорожные кусты еще не утратили своей свежести, и у Крэйдла легко на душе. Они всегда обещали, что придут на выручку, если он попадет в беду, – и вот пришли и теперь укроют его в безопасном месте. Там, где слово «Двенадцати» – закон. Правда, он больше никогда не увидит семью, но порой приходится идти на жертвы. Пенни... эта жертва не столь уж огромна. А вот дети – ну что ж, он обеспечил им первоклассный жизненный старт: платные школы на севере Лондона, лыжный отдых в Труа Валле, крестные на высоких постах в Сити.

Деннис не ожидал, что пришлют женщину, но, разумеется, не собирается жаловаться – учитывая, что видел ее в деле. Она однозначно поставила сучку Поластри на место. А как гениально придумано – переодеться копом!

Спустя час они останавливаются в Суррее у моста через реку неподалеку от Уэйбриджа. Женщина ставит мотоцикл на опору, снимает шлем и куртку, стягивает балаклаву и встряхивает волосами. Крэйдл тоже снимает шлем и разглядывает ее глазами ценителя.

Он считает себя практически экспертом по части женской внешности, и в данном случае его оценка весьма высока. Темно-русые волосы намокли от пота, но это ерунда. Взгляд несколько холодный и своеобразный, но зато рот сулит целое море сексуальных перспектив. Грудь? Сладкие, словно яблочки под обтягивающей футболкой. А какой мужчина не почувствует шевеление в джинсах при виде девушки в кожаных штанах и байкерских ботинках? В таком наряде она сама наверняка готова. К тому же он, по сути, уже снова холостой.

– Пошли, – говорит она, бросив взгляд на навигатор. – Там у нас рандеву – обсудим, куда ты поедешь дальше.

От дороги отходит тропа в сторону реки Уэй. Вода темно-оливкового цвета, а течение столь медленное, что река кажется неподвижной. Деревья отбрасывают тень на заросший бутенем берег. Вдоль него застыли заякоренные баржи и моторные лодки.

– А куда я поеду?

– Не могу сказать.

– Может, если мы снова встретимся... – начинает он.

– То?

– Небольшой ужин? Или что-нибудь вроде того?

– Не исключено.

Тропой, испещренной солнечными пятнами, они идут к широкой запруде в зарослях камыша и касатика. По пути им не попадается ни единой живой души.

– Вот и рандеву, – говорит она.

Крэйдл оглядывается. Река плавно течет к кипящему водосливу, и он чувствует отчетливый, не имеющий четкого определения запах подобных мест. Грязь, растительность, гниение. Время здесь словно остановилось, и Деннис вспоминает детство: «Ветер в ивах», дядюшку Кресси, господина Крота и мистера Жабба. И ту главу, которую он никогда не понимал до конца, – «Свирель у врат зари». Крэйдл размышляет над неожиданной загадкой, и тут полицейский жезл с невероятной силой опускается на основание его черепа. Головой вперед, почти бесшумно Деннис падает в реку. Вилланель наблюдает, как некоторое время полупогружившееся тело еще виднеется над водой, но потом начинает неумолимо дрейфовать к гребню плотины, а там его мгновенно утягивает вниз. Она стоит, воображая, как труп Крэйдла без конца кружится в водовороте, глубоко под зеркальной поверхностью. Затем убирает жезл и не спеша отправляется назад по тропе.

К моменту, когда Ланс высаживает Еву у ее дома, она измотана до предела. А также разъярена, встревожена и от запаха табачного дыма в машине коллеги ее подташнивает.

Впереди еще кошмарная беседа с Ричардом – он приедет в офис к шести. Однако самое постыдное то, в чем приходится признаваться самой себе. С какой легкостью ее обвели вокруг пальца, этак непринужденно и насмешливо! И как же наивно – и чудовищно непрофессионально – она себя повела.

По самоуверенному виду Крэйбла стоило бы понять, что он успел подать сигнал тревоги и ждал, что его вытащат. Чем поздравлять себя с ловко раскрытой изменой, лучше было бы предвидеть, что против нее готовится дерзкий маневр. Как она умудрилась так облажаться? А уж в переполнявших ее эмоциях – по поводу совершенно сюрреалистической встречи на шоссе – Ева даже не рискует разбираться.

Так что, когда Нико открывает дверь, у нее нет никакого настроения воевать еще и с ним.

– Я звонил тебе четыре с половиной часа назад. – Его лицо побледнело от сдерживаемого гнева. – Ты сказала, что приедешь к полудню, а сейчас уже почти три.

Она заставляет себя выдохнуть.

– Нико, извини, но давай выясним отношения потом. Каким бы плохим ни был твой день, поверь мне на слово, мой еще хуже. После нашего разговора у меня сперли ключи вместе с телефоном, и я битый час голосовала на обочине трассы, кишащей машинами. Но это только часть истории. Поэтому просто расскажи мне, что случилось.

Нико сжимает губы и кивает.

– Я уже сказал, что примерно в пол-одиннадцатого миссис Хан увидела, как из нашего окна вылезает молодая женщина, и вызвала полицию. Два офицера забрали меня из школы и привезли сюда. По всей видимости, они отнеслись к делу очень серьезно: когда мы приехали, на улице нас уже поджидала криминалистка. Возможно, у них в картотеке есть наш адрес, поскольку ты работаешь в МИ-5, не знаю. Короче, мы обошли всю квартиру, комната за комнатой, а криминалистка занималась своими делами: дверные ручки, окно гостиной, разные другие поверхности, но никаких отпечатков не нашла. Потом сказала, что непрошенная гостья, скорее всего, орудовала в перчатках. Сломала оконный замок, но все прочее осталось, как было, насколько я могу судить, и ничего не пропало.

– Как Тельма с Луизой?

– В порядке, прохлаждаются в саду. Они произвели на полицейских огромное впечатление.

– А копы уже уехали?

– Сто лет назад.

– И что они говорят? Как она к нам влезла?

– Через дверь. Они внимательно изучили замок – похоже, она пользовалась отмычкой. То есть это профессионалка, а не подростки на охоте за телефонами и ноутами.

– Наверно.

– И... у тебя никаких мыслей, кто бы это мог быть?

– Я не знаю ни одного профессионального взломщика.

– Ева, умоляю, ты прекрасно понимаешь, о чем я. Это имеет какое-то отношение к твоей работе? У нас искали что-то конкретное? Что-то... – Нико вдруг умолкает на полуслове, и Ева буквально видит, как его озаряет еще более темное подозрение. – А это случайно не... *та женщина*? За которой ты гонялась. А может, и до сих пор гоняешься. Потому что, если это так...

Она спокойно выдерживает его взгляд.

– Ева, скажи правду. Серьезно, я должен знать. Мне надо, чтобы ты хотя бы сейчас не лгала.

– Нико, я, вот честно, не имею ни малейшего представления о том, кто это был. И не вижу тут никакой связи с моей работой или с расследованием, о котором ты говоришь. Знаешь, сколько взломов зарегистрировано в Лондоне в прошлом году? Почти шестьдесят тысяч. *Шестьдесят тысяч*. То есть статистически...

Он закрывает глаза.

– Еще о статистике ты мне не рассказывала, ага.

– Нико, прошу. Мне жаль, что ты думаешь, будто я вру, мне жаль, что к нам влезла какая-то взломщица, мне жаль, что у нас нет ничего, достойного ее внимания. Но это просто рядовое случайное сраное лондонское событие, и все. И *нет* никаких других объяснений. Просто... так случилось.

Он смотрит в стенку.

– Может, полиция сможет...

– Не сможет. Особенно если ничего не пропало. Дело вне-

сут в картотеку, и оно уйдет в архив. Дай-ка я сама похожу посмотрю, правда ли всё на месте.

Нико не двигается с места, Ева слышит его дыхание. Наконец он медленно опускает голову.

– Я сделаю чай.

– О да, пожалуйста. И пирог, если он там еще остался – я умираю с голоду. – Она подходит к Нико сзади, обхватывает за талию и утыкается головой в спину. – Прости. У меня был кошмарнейший день. А это просто последняя капля. Спасибо, что разобрался с полицией и со всем прочим. Честно говоря, не думаю, что я бы справилась.

Открыв заднюю дверь, она улыбается скачущим ей навстречу Тельме и Луизе, и козочки принимаются пытливо обнюхивать ее руки. Устоять перед ними и впрямь невозможно. В двадцати метрах от дальней стенки их крошечного дворика проходит наземная линия метро. Из-за близости к железной дороге – как объяснил риелтор, когда они искали жилье, – эта квартира дешевле, чем аналогичные в том же районе. Со временем Ева перестала слышать поезда; их грохот и скрежет давно уже влились в общий естественный шум под названием Лондон. Порой она даже сидит тут и наблюдает, как они прибывают и отбывают, – постоянство их ритма действует на нее успокаивающе.

– Когда мы в последний раз были вместе после обеда в будний день? – спрашивает Нико, протягивая ей чашку чая с куском пирога, положенным строго посередине блюда. –

Наверное, лет сто назад.

– Так и есть, – откликается Ева, рассеянно разглядывая дымчатый городской горизонт. – Можно спросить тебя кое о чем?

– Валяй.

– О России. – Она откусывает пирог.

– И что ты хочешь знать?

– Ты когда-нибудь слышал о чем-нибудь под названием «Двенадцать»?

– Ты про поэму?

– Что за поэма?

– *Dvenadsat*. «Двенадцать» – поэма Александра Блока.

Это поэт начала прошлого века, он верил в священное предназначение России. «Двенадцать» – крышесносные стихи. Я читал их в университете, когда увлекался революционной поэзией.

Холод щекочет Еву по затылку.

– А о чем они?

– Двенадцать большевиков шагают по улицам Петрограда с некоей мистической целью. Насколько помню, шагают среди ночи и сквозь вьюгу. А что?

– Сегодня на работе один человек упомянул организацию, которая называется «Двенадцать». Какая-то политическая группировка. То ли российская, то ли как-то связанная с Россией. Я раньше о ней не слышала.

Нико пожимает плечами.

– В России эту поэму почти любой образованный человек знает. Ностальгия по советской эпохе жива на обоих концах политического спектра.

– В смысле?

– Группировка, назвавшая себя в честь блоковской полуночной процессии, может иметь любую окраску, от неокоммунистов до откровенных фашистов. Название тебе ничего не даст.

– А где я могу... Нико!

Но Тельма и Луиза уже блеют и бодают его колени, требуя внимания.

Ева с чашкой в руке обходит квартиру. Пространство совсем небольшое, и, хотя оно набито всяким барахлом, в основном хламом Нико, похоже, все осталось на своих местах и ничего не пропало. До спальни она добирается в последнюю очередь, смотрит под подушками и в ящиках, особое внимание уделив своему скромному запасу украшений. Ева просто озверела, узнав, что браслет украли, но у нее все равно не укладывается в голове, что, пока она спала в шанхайской гостинице, туда проникла безбашенная серийная убийца. Ева чуть не падает в обморок, стоит только представить, как эта женщина разглядывает ее своими пустыми, лишенными эмоций глазами и даже, может быть, трогает ее.

«Ты была восхитительна, волосы разметались по подушке...»

Ева открывает шкаф, принимается перебирать вешалки с

платьями, топиками и юбками и застывает на месте, не веря глазам. На полке с поясами, перчатками и купленной прошлым летом соломенной шляпой – маленький сверток в китайской шелковой бумаге. Ева уверена, что видит его впервые в жизни. Натянув первые попавшиеся на полке перчатки, она осторожно кладет сверток на ладонь, а другой рукой снимает бумагу. Голубовато-серая коробочка с надписью «Ван Дист». Внутри на серой бархатной подушечке лежит изящный браслет из розового золота с застежкой, украшенной двумя бриллиантами-близнецами.

Несколько ударов пульса Ева изумленно смотрит на него. Затем срывает левую перчатку, надевает украшение на запястье и защелкивает застежку. Размер идеален, и она, томно вытянув руку, некоторое время разглядывает браслет, ощущая волнение от его вида и нежного веса. В скомканной оберточной бумаге виднеется уголок записки. Несколько слов:

Будь осторожнее, Ева.

В.

Ева целую минуту неподвижно стоит с браслетом на запястье и с запиской в другой руке. Что она означает? Кокетливую заботу или откровенную угрозу? Ева инстинктивно подносит нос к записке и улавливает аромат дорогих духов. Дрожащей рукой возвращает записку в коробочку, чувствуя, как ею овладевают эмоции, определить которые не получается. Разумеется, присутствует страх, но вместе с тем и сдавли-

вающее грудь волнение. Та, что выбирала этот прекрасный, женственный предмет, – убийца. Отмороженная киллерша, чье каждое слово – ложь, и любой шаг – просчитанная манипуляция с целью выбить из колеи. Встретить ее взгляд – как Ева сама убедилась несколько часов назад – все равно что смотреть в ледящую бездну: ни страха, ни жалости, ни человеческого тепла...

Всего в паре метров отсюда, во внутреннем дворике восхищенно бормочет козам – *козам!* – какую-то белиберду лучший и добрейший из всех известных Еве людей. Человек, с чьим теплым телом – знакомым, но остающимся тайной – она полностью сливается по ночам. Человек, чья непостижимая любовь к ней не имеет горизонтов. Человек, которому она сейчас, не моргнув глазом, врет так гладко, словно это ее вторая натура.

Почему же Еву так взволновала эта смертельно опасная женщина? Почему ее слова так сильно задевают? Таинственная буква «В» – не случайный знак. Это имя, пусть и всего лишь его часть. Подарок, такой же как браслет. Жест интимный и чувственный, но в то же время глубоко недружественный. Спроси, и я отвечу. Позови, и я приду за тобой.

Как вышло, что они оказались столь фатально сплетены? А вдруг В. пытается – в некоем экстравагантном смысле – установить контакт? Ева подносит скользящее золото к щеке. Интересно, сколько эта милая шикарная вещица стоит? Пять тысяч фунтов? Шесть? Господи, как же хочется иметь

такую! А может, просто никому ничего не говорить? Раз уж она ступила на дорожку вопиюще непрофессионального поведения (начать с того, что зачем-то распаковала коробочку, хотя не имела права) и, вполне вероятно, испортила улику – не проще ли... оставить браслет себе?

Вспыхнув от стыда и раскаяния, она снимает украшение и возвращает его на место. Вот *черт!* Именно такой реакции соперница от нее и ждет. Поддаться ослепляющему искушению, абсолютно иррационально перевести ситуацию на личный уровень. Какой эгоизм, какое заблуждение думать, будто она, Ева, может вызывать у В. симпатию и желание! Эта женщина – со всей очевидностью социопатка и нарцисс. Своими пассивно-агрессивными уколами она пытается негативно повлиять на Еву. Хоть на миг усомниться в этом – значит пойти наперекор всему, чему ее учили как криминолога и как офицера разведки. Ева достает из шкафа хозяйственный бумажный пакет и, не снимая перчатки, складывает в него коробочку, записку и обертку.

– Ну что там? – кричит Нико с кухни.

– Ничего, – отвечает она.

В вагоне «Евростара» никто не обращает особого внимания на девушку в черном худи. У нее жирные волосы, нездоровая бледность, во всем облике что-то необъяснимо грязное. На ногах поношенные байкерские ботинки, а надменная поза намекает, что с этими ботинками познакомится любой, кто легкомысленно решит к ней подкатить. Для сидящей на-

против пары средних лет, занятой кроссвордом из «Дэйли телеграф», она олицетворяет тот тип людей, из-за которых столь неприятно ездить в поездах. Немытая. Никакого уважения к окружающим. Сидит, уткнувшись в телефон.

– Давай следующее, – бормочет муж.

– Тринадцать по горизонтали. «Ликвидация стаи ворон», – читает жена, и оба хмурятся.

Тем временем Вилланель, отключив на Евином телефоне геолокацию и уже ознакомившись с ее разочаровывающе скучными эсэмэсками и электронной перепиской, листает фотографии. Вот *polskiy* придурок Нико на кухне. Вот селфи Евы в оптике, где она примеряет новые очки (умоляю, англок, только не эта оправка!). Вот опять Нико с козами (чё у них вообще за фигня с этими козами? Они их съесть, что ли, собираются?). Потом целая серия знаменитостей, которых, догадывается Вилланель, Ева перефотографировала из журналов, чтобы показать в парикмахерской. А это кто? Асма аль-Асад? Реально, зайка, это *совсем* не ты.

Вилланель отрывает взгляд от телефона и видит многоэтажные дома и исписанные граффити стены – судя по всему, поезд уже пересекает дальние пригороды Парижа. Убрав Евин телефон в карман, она достает другой и набирает номер своей подруги Анны-Лауры.

– Где ты пропала? – спрашивает Анна-Лаура. – Я не видела тебя целую вечность.

– Работа. Разъезды. Ничего интересного.

– Чем занимаешься вечером?

– Вот ты мне и скажешь.

– Показы прет-а-порте начнутся только завтра, а сегодня компания молодых дизайнеров собирает народ на катере моей подруги Марго у набережной Вольтера. Будет весело, туда придут все. Думаю, мы можем одеться и поужинать – просто вдвоем – в «Ле Гран Вефур», а потом уже туда.

– Прекрасно. Марго милая.

– Ну как, ты «за»?

– Конечно.

Поезд въезжает на Северный вокзал. Осмелевшая в силу скорого прибытия чета теперь смотрит на Вилланель с откровенной неприязнью.

– Тот вопрос в кроссворде, – обращается она к ним. – «Ликвидация стаи ворон». Вы отгадали?

– Э-э, – отвечает муж. – Если честно, нет.

– Отстрел. – Она шевелит пальцами в знак прощания. – Наслаждайтесь Парижем!

– Давай еще раз вкратце, – говорит Ричард Эдвардс. Он разведчик старой школы, и в нем угадывается аристократ: волосы уже начали редеть, а плащ с вельветовым воротником явно знавал лучшие времена. – Значит, говоришь, тебя остановила некая мотоциклистка, которую ты приняла за офицера полиции.

Ричард, Ева, Билли и Ланс сидят в офисе на Гудж-стрит с тошнотворным линейным светильником над головой. Пери-

одически от проходящей где-то под ними линии метро доносится приглушенный грохот.

– Всё так, – отвечает Ева. – На А303 у Мичелдевера. И я абсолютно уверена, что форма и мотоцикл у нее были настоящие. Ее личный номер и номера на мотоцикле подтвердились. Принадлежат дорожному подразделению полиции графства Хэмпшир.

– Такие вещи спереть непросто, никогда бы не подумал, – замечает Билли, откидываясь в компьютерном кресле, с которым он, кажется, сросся, и рассеянно теребя пирсинг на губе.

– Если у тебя нет своего человека в этом подразделении.

– Ланс прав, – говорит Ричард. – Если они смогли проникнуть в МИ-5, то и в полиции у них наверняка есть люди.

Они переглядываются. Сегодняшнее Евино наваждение с браслетом уже превратилось в воспоминания. «Что на меня нашло? – удивляется она. – Да вся эта ситуация просто катастрофа».

– Значит, эта женщина тебя обыскивает, забирает телефон, обойму «глока», приказывает Деннису Крэйдлу забрать ключи от машины и спустить колеса. Потом беседа, которую ты пересказала, и по ходу разговора на ее руке обнаруживается твой браслет.

– Этот браслет когда-то принадлежал моей матери; она говорит, что украла его из моего номера в Шанхае.

– И ты при ней ни разу не упоминала о Шанхае.

– Разумеется, нет.

Ричард кивает.

– Потом она дает Крэйдлу шлем и увозит его на мотоцикле.

– Да, в общих чертах все так.

– Потом ты ловишь машину, просишь у водителя телефон, звонишь Лансу, он приезжает и отвозит тебя домой. Ты прибываешь туда в три часа и узнаешь, что примерно в пол-одиннадцатого кто-то проник в твою квартиру.

– Нет. Я уже знала об этом. Муж рассказал по телефону. Именно поэтому я с Деннисом Крэйдлом уехала из Девера раньше.

– Да, конечно. И дома все осталось нетронутым и на своих местах?

– Да, всё на месте. Но в моем шкафу лежал браслет «Ван Дист» с этой запиской.

– Если я правильно понимаю, установить место его покупки невозможно?

– Я проверила, что это за компания, – говорит Ева. – В мире есть шестьдесят восемь бутиков и торговых точек «Ван Дист». Браслет могли купить в любом из них. Или вообще заказать по телефону или интернету. Эту версию можно проработать, но...

– Значит, ты на все сто уверена, что женщина, которая проникла к тебе домой, и женщина, которая остановила тебя на А330 и похитила Крэйдла, – одно и то же лицо?

– Да. Вся эта история с браслетами абсолютно в ее духе. Рассчитать, что если кто-то увидит ее вылезавшей из окна моей квартиры и позвонит в полицию, то с большой вероятностью примерно через час эта новость дойдет до меня, и, скорее всего, я сразу же отправлюсь вместе с Крэйдлом назад в Лондон, а тогда она успевает перехватить нас на А330. Уложиться сложно, но реально – особенно на полицейском мотоцикле.

– Ладно, допустим, ты права и женщина, которая подписывается буквой «В», – именно та, кем мы все это время занимаемся. Та, что убила Кедрина, Саймона Мортимера и остальных. Также допустим, что она работает на организацию, о которой говорил Крэйдл и которая, по его словам, называется «Двенадцать». У нас по-прежнему нет ответов на два ключевых вопроса. Первое: откуда она узнала, что мы вышли на Крэйдла? Второе: как она с ним поступила?

– По первому вопросу у меня сложилось четкое впечатление, что Крэйдл сам им сообщил. Вероятно, у него был номер для экстренной связи и он рассчитывал, что если окажется под угрозой, то его вытащат, как оперативного сотрудника. А по второму вопросу – она его прикончила. У меня ни малейших сомнений. Именно в этом состоит ее работа.

– И значит... – начинает Ричард.

– Да. Мы имеем мертвого старшего офицера МИ-5, перспективы серьезных объяснений и ни единой зацепки для дальнейшей работы. Мы вернулись туда же, где были после

убийства Кедрина, и это все из-за меня.

– Я не согласен, что из-за тебя.

– Зато я согласна. Я слишком гнала лошадей, когда позвонила ему. Мне и в голову не пришло, что он сообщит своим. Чего он от них ожидал? Неужто всерьез верил, что будет жить-поживать да добра наживать?

– Я слышал твой разговор с Крэйдлом. Мы все слышали. Ты прекрасно его обработала. Правда в том, что серьезные проблемы со своими у него начались в тот самый момент, когда мы его раскрыли, и от нашей дальнейшей игры тут уже ничего не зависело.

Светильник неожиданно гаснет, погружая комнату в полумрак. Ланс достает из кладовки за принтером швабру, резко стучает по флуоресцентной трубке, и та, немного помигав, возвращается к жизни. Никто это никак не комментирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.